

Возвращение домой в лето первого поцелуя

Пыль, поднятая с полок, висела в луче сентябрьского солнца не просто частицами старой штукатурки — это было облако памяти. Марина морщилась, но не от запаха затхлости, а от внезапной остроты ощущений. Пустота родительской квартиры после отъезда мамы в санаторий давила на виски тихим гулом. Марина приехала «разобрать хлам», но каждый предмет цеплял её за рукав, заставляя замедлиться.

В самом низу старого чемодана, под грузом выцветших свитеров, пальцы наткнулись на шершавый переплет. «Ботаника. 7 класс». Она открыла его, и в лицо пахнуло сухим, сладковатым ароматом ушедшего времени. Между страницами, испещренными аккуратными подчеркиваниями, лежал засушенный кленовый лист, хрупкий, как папиросная бумага.

Тогда время текло иначе: медленно, медово. Оно было наполнено жаром асфальта, стрекотом кузнечиков и далекими, томными переборами гитары из открытых окон. После выпускного целая вселенная под названием «взрослая жизнь» поглотила её целиком. А тогда... Тогда они могли пить одну Колу на троих из стеклянного стакана, передавая его по кругу, и это не казалось странным. А однажды налетел внезапный ливень, теплый и шумный. Они промокли до нитки, крича и смеясь, и потом сидели на лавочке под уже выглянувшим солнцем. Марина сгорала от стыда, чувствуя, как мокрая ткань футболки предательски липнет к телу, обрисовывая всю женственность, и старалась скрестить руки на груди, ловя на себе восхищенно-смущенные взгляды мальчишек. Это было одновременно неловко и сладко.

И был он. Сережа. Не «первая любовь» пафосными буквами, а просто Сережка. Долговязый, с вечно разбитыми коленками и бездонными карманами куртки, откуда доставались то ржавый гвоздь, то три слипшиеся карамельки. Он ждал её у подъезда каждый день, с деланно-равнодушным видом пиная камушек.

Телефон в сумочке вибрировал, вырывая сознание из прошлого. Марина вздрогнула. На экране — «Мама».

— Алло, мам! Как ты? Как процедуры?

— Да ничего, дочка, процедуры колются... Больно. — голос матери звучал слабее обычного, дальше.

— А у тебя как? Не перетрудишься там с разборками. Выкидывай смело, не копи.

— Да я... я не тороплюсь, — Марина провела ладонью по шершавой обложке учебника.

— Мам, а помнишь, у меня был гербарий? Кленовый лист...

На том конце провода пауза.

— Гербарий?.. Ох, Мариш, память уже не та. Ты береги себя, ладно? Не задерживайся там до ночи, на даче одна...

— Мам, я не на даче, я в нашей квартире, — тихо поправила Марина, и в горле встал ком. Эта маленькая забывчивость, эта уязвимость в голосе пронзили её острее, чем любая тоска по прошлому. Пустота вокруг стала физически ощутимой, тревожной.

— А, в квартире... Ну всё равно, равно. Ладно, меня снова зовут куда-то. Пойду.

Связь прервалась. Марина опустила телефон, и тишина снова навалилась, но теперь она была иной — звенящей тревогой за настоящее. Она потянулась к стопке фотографий. Вот оно, то лето. Тот вечер, который помнился в деталях, будто вчера.

Воздух в комнате был густой, сладкий от цветущих лип. Они сидели на скамейке, болтая о чём-то неважном, и вдруг разговор оборвался. Он посмотрел на неё не по-мальчишески, а серьёзно, и она, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, подумала: «А что, если?..» Она не была смелой. Она была скромной девочкой, которая пряталась за книгой на переменах. Но что-то в тот вечер пересилило застенчивость. Может, сама ночь, тёплая и обещающая. Не она «разрешила» себя поцеловать. Это случилось само — робкое, неловкое движение навстречу. Прикосновение губ, солёное от попавшего в уголок рта пота, стремительное, неумелое. После они не смотрели друг другу в глаза, отводя взгляды в разные стороны, сгорая от стыда и восторга.

И тогда, как по волшебному закону этого лета, сквозь предгрозовую тишину всегда пробивался голос. Нежный, но неумолимый, разносившийся по всем дворам: «Мари-и-инка! Домой!». Он разрушал любые миры, возвращал из страны, где они были почти взрослыми, обратно в реальность — к урокам, к обязанностям, к детству. Тогда этот голос Марина могла и ненавидеть, он был границей, окриком. А сейчас... Сейчас она прижала ладонь с телефоном к груди, пытаясь унять внезапную боль. Её голос. Его может не стать.

Сейчас, сидя на полу среди разбросанного прошлого, она слышала его снова. Голос сквозь года. Чётко и ясно. И это был не просто эхо памяти. Это было ощущение, вшитое в душу: «Пора. Пора возвращаться домой.» Не в эту пустующую квартиру с пыльными чемоданами, а в себя. К той девочке с растрёпанными волосами и губами, пахнущими спелой вишней, которая жила где-то глубоко внутри, напуганная и одинокая во взрослом мире.

«Пусть всё могло быть иначе, — подумала Марина, осторожно проводя пальцем по фото, где они сидят на той самой скамейке. — А вышло так — сгоряча». Они с Сережкой расстались через месяц — то ли из-за глупости, то ли из-за того, что первый восторг сменился неловкостью. Потом он вообще переехал в другой район, связь намертво оборвалась. Память, как верная служанка, припрятала всё лишнее: мелкие обиды, глупые ссоры, слёзы. Но тот вечер, тот первый, неловкий поцелуй под густой гул лип и далёкие гитары, она хранила бережно, в идеальной сохранности. Не как трагедию, а как драгоценный артефакт эпохи, когда чувства были огромными и чистыми, как летнее небо после дождя.

Она встала, подошла к окну. Двор опустел. Никаких детей сейчас здесь нет. Старые качели одиноко раскачивались на ветру. Но где-то там, в другом времени, они всё ещё были — она, застенчивая и смеющаяся, Сережка с разбитыми коленками, их друзья. Они навсегда остались там, в золотом мареве того лета, в том самом дворе.

И снова, уже совсем явственно, она услышала внутри тихий, но отчётливый зов. Голос, зовущий домой. Не в прошлое, нет. Мамин голос звал не назад. Он звал вперёд. К жизни, где она уже не та девочка, но где в ней навсегда живёт её отзвук — и нежность, и застенчивость, и способность чувствовать всем существом.

«Взросление — это не предательство того ребенка», — прошептала Марина, наконец-то вытирая пыль с рук. — «Наверное, мама, ты всегда была права.»

Девушка аккуратно положила учебник с засушенным листом обратно в чемодан. Но не на дно. А сверху. Пора было закрывать его, выходить в свой сегодняшний день — к звонку в санаторий, к своим делам, к своей жизни, неся в кармане души этот маленький, хрупкий, но незыблемый артефакт: запах сухих листьев, трепет первого поцелуя и пронзительную, вечную безопасность маминого голоса в сумерках.

<https://megaskaz.ru/>